

А. В. Хлебалин

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: sasha_khl@mail.ru

ПАРАДОКС ВИТГЕНШТЕЙНА–КРИПКЕ: СЕМАНТИКА БЕЗ ИСТИНЫ

Вы не найдете в семантике лекарства от зубной боли, мании величия или классовых конфликтов. Семантика также не дает средств для доказательства того, что все, за исключением говорящего и его друзей, несут чушь.

А. Тарский

Семантические исследования, несмотря на «предупреждения» Тарского, остаются крайне популярными среди аналитических философов. Во многом именно пристальное внимание к семантической подоплке философских проблем определяет кредо аналитического философа. В связи с этим вполне понятно, что построение некоей универсальной теории значения – вне всякой связи с попыткой выявить «языковую компоненту» классической проблемы философии – служат аналогом своего рода «основного вопроса» аналитической философии. Обилие различных теорий значения в аналитической философии поэтому не должно вызывать никакого удивления. Действительно, стороннего наблюдателя может поразить не только само многообразие подходов к семантике, но и техническая изощренность языка семантических исследований. Типичная для истории философии ситуация, суть которой в том, что, стремясь ответить на один и тот же вопрос, преследуя одну и ту же цель, различные философы приходят к совершенно различным результатам, несовместимость которых заставляет задуматься над тем, не скрывается ли под единством «птичьего языка», на котором ведутся философские споры, совершенный разницей в понимании стоящих задач и критерия успешности их решения. Вполне естественно, что в такой ситуации возникает острая потребность попытаться выявить основания многообразия

семантических теорий, причем выявление этих оснований должно объяснить и принципиальные аспекты рассматриваемых теорий. В результате исследований подобного рода мы получим нечто вроде «идеологии» семантики – реконструкцию представлений о том, на какие вопросы призвана ответить адекватная семантическая теория и какие понятия в связи с этим являются основополагающими для семантики.

Так, К. Пикок [Пикок, 2005] выделяет шесть вариантов теории семантики. Нам нет необходимости вдаваться в подробную характеристику всех указываемых исследователем «подходов» к семантике, достаточно будет просто указать их принципиальную позицию, выделяя основополагающие понятия, лежащие в основании семантических теорий, развиваемых в рамках указываемых подходов. *Трансляционная семантика*, восходящая к работам Фодора и Каца, строит семантическую теорию в виде «отображения предложений языка, для которого она должна быть задана в языке с четкой структурой», при этом в результате мы должны ясно представить отношения следования между предикатами и, «возможно, другими выражениями» языка [Пикок, 2005. С. 81]. *Теоретико-модельная семантика*, апологетом которой являлся Р. Монтегю, основана на определении истины для языка L в произвольной модели для каждого предложения из L . *Теоретико-истинностная семантика*, развиваемая Д. Дэвидсоном, заключается в финитно аксиоматизируемой теории истины для предложений языка L или для предложений некоторого языка, из которого можно получить предложения из L посредством сохраняющих значение преобразований. *Теоретико-игровая семантика*, восходящая к Я. Хинтикки, состоит из множества игровых правил, связанных с каждым пред-

ложением языка. В ходе игры каждый ход приводит к сокращению длины предложения, в отношении которого происходит игра, при этом выигрыш в игре состоит в достижении *истинного* атомарного предложения. *Критериальная и конструктивная семантика*, предположительно восходящая к поздним работам Л. Витгенштейна, заключается в спецификации значения предложения через указание *критерия* предложения: «Если случилось так, что *p* является критерием для предложения *s*, то говорится, что *p* обеспечивает для *s* неиндуктивную очевидность, но не влечет истинности *s*. Для данного предложения имеется множество критериев. И критерии могут быть аннулированы». Согласно *концептуально-ролевой семантике* (Х. Филд, Дж. Харман), значение предложения определяется следующими компонентами: 1) сенсорный символ, продуцирующий веру в предложение и неверие в него; 2) какое множество предложений и с какой вероятностью *заключают* к предложению, значение которого рассматривается; 3) что и с какой вероятностью *выводится* из рассматриваемого предложения; 4) каковы результаты веры и желания, выражаемые посредством рассматриваемого предложения.

Отмеченные курсивом понятия, являющиеся центральными для семантических теорий, развиваемых в рамках указанных К. Пикоком подходов, явно показывают, что для большинства «семантических школ» в аналитической философии основным понятием семантической теории является ‘истина’, или понятия, которые могут быть определены на его основе. Построение семантики на основе понятия истины поэтому является классической для аналитической философии традицией. У. Куайн, характеризуя различия между теорией значения и теорией референции в семантических исследованиях, указывает: «Главные понятия теории значения, помимо самого значения, – это *синонимия* (сходство значения), *значимость* (обладание значением) и *аналитичность* (истинность посредством значения). Еще одно понятие – *следование*, или аналитичность условных высказываний. Главными понятиями теории референции являются *именование*, *истина*, *денотация* (или истинный для) и *объем*. Еще одно понятие – это понятие *значения переменных*» [Куайн, 2003. С. 124]. У. Куайн замечает, что границы между этими областями

семантики не являются непреодолимыми. При этом основным претендентом на связь теории значения и теории референции, на наш взгляд, может выступать именно понятие истинности.

Среди указанных К. Пикоком направлений семантических исследований особенно выделяется «критериальная и конструктивная семантика», восходящая к философии позднего Витгенштейна. Предлагаемое в качестве ключевого для семантики понятие «критерий» кажется не связанным с понятием истинности предложения; даже если такая связь может быть усмотрена из характера употребления указанных понятий, природа этой связи явно требует уточнения. В любом случае из представления данного направления К. Пикоком вовсе не следует, что понятие критерия сводимо к истинности предложения. Хорошо известны трудности и риск, с которыми сталкивается любой интерпретатор философии Л. Витгенштейна, стремясь сделать вместо него самого точными и ясными связи между основными понятиями его философии. Тем не менее, как нам кажется, именно исследование представлений Витгенштейна о понятии истины и его роли в семантической теории позволит справедливо оценить достоинства и недостатки «семантического проекта» позднего Витгенштейна. Попытку развить идеи философии языка позднего Витгенштейна предпринял С. Крипке в известной работе «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке». Предприятие С. Крипке настолько удалось, что стало принято вести речь не о семантике позднего Витгенштейна, а о семантике Витгенштейна–Крипке, при этом сама семантика Витгенштейна–Крипке по большому счету представляет собой следствия, получаемые из интерпретации знаменитого «скептического парадокса».

Семантические следствия скептического парадокса

Центральным понятием при объяснении значения языкового выражения в философии позднего Витгенштейна традиционно считается понятие правила: значение выражения представлено правилом его употребления в языковой игре. Сам язык при этом понимается как игра, которая и состоит из правил употребления языковых выражений. Усво-

ить язык – значит усвоить правила употребления выражений, составляющих данный язык. Носитель какого-либо естественного языка при этом является не просто участником универсальной игры, а участником множества игр, и его языковое поведение представляет собой множество пересекающихся языковых игр, возможных внутри естественного языка, каждая из которых характеризуется набором принятых правил. Одной из наиболее важных характеристик языковой игры и языка как такового является его публичность; знаменитый тезис о невозможности индивидуального языка является одной из наиболее известных попыток доказательства тезиса о публичной природе языка.

В связи с этим становится понятно, что центральной проблемой семантического исследования для Витгенштейна выступает проблема объяснения природы и самой возможности языкового поведения как алгоритмической деятельности, полностью определенной правилами. В связи с публичной природой языковой игры эта проблема предстает как проблема объяснения возможности усвоения правил, определяющих алгоритм языкового поведения. Скептический парадокс Витгенштейна–Крипке представляет собой демонстрацию того, что в принципе невозможно решать указанную проблему.

Хотя в изложении парадокса С. Крипке фигурируют математические выражения, следствия парадокса одинаково справедливы для всех языковых выражений – нет принципиальной разницы между языковыми играми математика и языковыми играми булочника. Фактически сам парадокс представляет собой абсолютизацию идеи, согласно которой значение языкового выражения есть просто ход в языковой игре; следовательно, экспликация значения – это описание правила, определяющего употребление выражения. Крипке предлагает рассмотреть в высшей степени тривиальную ситуацию: я высказываю утверждение « $68 + 57 = 125$ »: «После проверки своего действия я, вероятно, уверен, что “125” – это правильный ответ. Он корректен как в математическом смысле, поскольку 125 есть сумма 68 и 57, так и в лингвистическом смысле, поскольку “плюс”, как я намеренно употреблял это слово в прошлом, обозначал функцию, которая, будучи применена к числам, называемым мною “68” и “57”, дает результат 125» [Крипке,

2005. С. 15]. Теперь говорящий подвергается допросу со стороны скептика о том, может ли он специфицировать то правило, которое предопределяет его высказывания, когда они содержат слово «плюс». Допрос этот состоит в следующем: может ли носитель языка привести какие-либо факты, однозначно демонстрирующие, что, употребляя, например, слово «плюс» сейчас, он употребляет его с точно тем же значением, что и в прежние случаи потребления этого слова. Фактически скептик не требует ничего, что могло бы привести к сколько-нибудь серьезным трудностям. Ответом скептика могла бы служить дефиниция истинности для предложения рассматриваемого языка; в нашем случае – для предложения « $68 + 57 = 125$ ». В целом можно сказать, что для того чтобы обезопасить себя от любых вопросов скептика, необходимо иметь семантическое определение выражения «истинное высказывание», общая форма которого была представлена А. Тарским:

для произвольного x – x является истинным высказыванием тогда и только тогда, когда – для некоторого x – x тождественно с p и при этом p [Тарский, 1999. С. 27].

Основываясь на семантическом определении истины, можно сформулировать описание правила, определяющего использование каждого предложения в языковой игре: правило употребления выражения могло бы состоять в том, что говорящий обязан всегда употреблять предложения языка так, чтобы они удовлетворяли семантическому определению истинности высказывания для данного языка L . В этом случае говорящий успешно следует правилу употребления выражения тогда, когда может ему приписать значение истинности «истина», и нарушает правило в том случае, если его высказыванию приписывается значение «ложь».

Проблема возникает тогда, когда скептик настаивает на том, чтобы говорящий смог привести факт, гарантирующий, что референция термина сохраняется при каждом его употреблении. Семантическое определение истины в духе А. Тарского предполагает факт сохранения референции термина во всех случаях его употребления как необходимое условие для формулировки определения истины. В рамках семантики А. Тарского ответ на вопрос скептика мог быть сформулирован следующим образом: по определе-

нию. Парадокс Витгенштейна–Крипке обращается именно к той проблеме, которая не предполагается в теоретико-модельной семантике Тарского. Скептик просто требует различить значения – а значит, и правила, определяющие употребление выражений – двух терминов: «плюс» и «квус». При этом под квусом имеется в виду функция, которая определяется следующим образом («\$» обозначает квус-функцию): $x \$ y = x + y$, если x и y 57, и $x \$ y = 5$ во всех других случаях.

Дальнейшие рассуждения С. Крипке направлены на демонстрацию того, что говорящий не может найти в своем поведении, сознании или мире ни одного факта, который мог бы свидетельствовать, что референции термина сохраняется во всех случаях его использования. Если нет гарантии сохранения референции термина, то нет возможности специфицировать правило, обеспечивающее стабильность референции, и нет возможности сформулировать семантическое определение истины для данного языка. В таком случае не существует способа для говорящего однозначно специфицировать правило, которому он следует, а, следовательно, для него нет возможности утверждать, что он вообще следует какому-либо правилу. Иначе говоря, не сохраняется ни одной возможности для семантики в духе А. Тарского. Фактически скептик демонстрирует, что семантика невозможна: «наше схватывание условий истинности утверждений сложения предполагало бы схватывание правила вычисления плюс-функции. Как только мы схватываем правило вычисления плюс-функции, мы можем понять это утверждение и увидеть, что оно истинно. Различие между тем, что я имею в виду под “плюс” и “+” в действительной и вымышленной ситуации отражает различие в условиях истинности моих утверждений сложения в этих двух ситуациях» [Ebbs, 1997. P. 14–15].

Следствия принятия скептического парадокса Витгенштейна–Крипке очевидны. Прежде всего мы должны отказаться от того, что наши термины сохраняют референцию во всех случаях их употребления. В связи с тем, что референция терминов определяет истинность предложений, мы не можем сформулировать определения истинности и, будучи не способными определить истинность предложения, мы не можем утверждать, что вообще понимаем их. В связи с тем, что из-

начально в семантике позднего Витгенштейна значением предложения является правило его употребления, мы не можем специфицировать правила, определяющие употребление предложений. В результате принятия скептического решения парадокса Витгенштейна–Крипке мы вынуждены отрицать возможность семантики, в основании которой лежит понятие истинности или понятия, которые могут быть определены через него, т. е. семантики в духе А. Тарского.

Предпосылки и идеология семантической теории

Выше указывалось на то, что среди шести подходов к семантической теории, выделяемых К. Пикоком, подход позднего Витгенштейна стоит особняком. Действительно, центральным понятием пяти подходов к семантике является понятие истины, либо понятие, которое может быть определено на основе понятия истины. Выбор понятия истины в качестве ключевого понятия, на основе которого строится семантическая теория, кажется несомненным: «понятие истины является одним из наиболее важных отношений, возможно, наиболее важным, которые могут существовать между языком (языковым выражением) и миром» [Hintikka, 1997a. P. 20]. Если понятие истинности является наиболее важным среди понятий, могущих специфицировать отношения между языком и миром, и если семантика является теорией, которая точно выражает характер этих отношений, тогда кажется невозможным строить семантику на основании какого-либо понятия, которое не может быть определено на основе истины. А значит, семантическая теория должна «выражать» отношение истинности как фундаментальное отношение между языком и миром.

Тем не менее мы видим, что семантика Витгенштейна–Крипке, а точнее, скептический парадокс, призванный продемонстрировать алгоритмическую природу языковой деятельности, фактически отрицает возможность использовать понятие истины как фундаментальное понятие семантической теории, поскольку, согласно скептическому решению парадокса Витгенштейна–Крипке, мы не можем гарантировать, что вообще следуем какому-либо правилу. Возникает вполне оправданный вопрос о причине та-

кой оценки роли понятия истины в семантической теории. Ответить на этот вопрос нам позволяет обращение к предпосылкам о природе языка, лежащим в основании того, что мы рискули назвать идеологией семантики, которая определяющей круг вопросов, которые призвана осветить семантическая теория, и понятия, использующиеся семантикой для достижения своей цели.

Для определения предпосылок семантики позднего Витгенштейна–Крипке будем использовать идею Я. ван Хейнурта и Я. Хинтикки о двух фундаментально отличных подходах к исследованию языка, определивших собою направление развития семантических исследований XX в. Речь идет об известном противопоставлении подходов к языку как исчислению и как к универсальному посреднику. Наше внимание в большей степени будет сосредоточено на втором из указанных подходов, так как именно к нему принадлежит семантика Витгенштейна–Крипке. Метафора о языке как об универсальном посреднике предполагает следующие отношения между носителем языка и самим языком. Прежде всего эти отношения конкретизируются в представлении о плененности языком; носитель языка заключен в своего рода языковую тюрьму: «Вы не можете шагнуть за границы своего языка, Вы не можете переинтерпретировать его» [Hintikka, 1997b. P. 105]. Такая характеристика отношений между носителем языка и самим языком делает невозможным описание языка и теоретизирование о нем. Причина в том, что, согласно универсалистскому пониманию языка, использовать язык для разговора о чем-либо возможно только основываясь на определенной интерпретации, на данной системе отношений означивания между языком и миром. «Следовательно, невозможно значимо и осмысленно сказать в языке, чем являются эти отношения означивания, для того чтобы попытаться сделать это, необходимо уже предполагать их» [Hintikka, 1997c. P. 163]. Результатом подобного рода воззрений на природу отношений между языком и носителем языка является запрещение использования метаязыка для описания значения слов объектного языка. Точнее, и метаязык и объектный язык, согласно универсалистскому подходу, должны быть поняты локально, как части одного языка – единственного языка, которым обладает его носитель. Запрещение метаязыка,

точнее отрицание его в качестве средства установления значения предложений объектного языка, ведет к переосмыслению роли понятия истинности в семантических исследованиях. В связи с тем, что понятие истины выразимо в метаязыке, а согласно универсалистскому подходу, последний невозможен, понятие истины не может быть выражено. Невыразимость понятия истины не означает, что семантика невозможна – она также попросту невыразима. Это означает, что носитель языка может иметь сколько угодно представлений о природе связи языка и мира, но у него нет никаких средств установить справедливость своих представлений. Фактически та же самая ситуация представлена самим скептическим парадоксом: носитель языка не может точно установить, какому правилу он следует, употребляя данное языковое выражение.

В поздних работах Витгенштейна мы можем найти множество подтверждений тому, что он является сторонником универсалистского подхода к языку: «Говоря о языке (слове, предложении и т. д.), я должен говорить о повседневном языке. Не слишком ли груб, материален этот язык для выражения того, что мы хотим сказать? Ну, а как тогда построить другой язык? И как странно в таком случае, что мы вообще можем что-то делать с этим своим языком! В рассуждениях, касающихся языка, я уже вынужден был прибегать к полному (а не к какому-то предварительному, подготовительному) языку. ... Говорят: речь идет не о слове, а о его значении; и при этом представляют себе значение как предмет того же рода, что и слово, хотя и отличный от него. Вот слово, а вот его значение. Деньги и корова, которую можно купить на них. (Но, с другой стороны: деньги и их использование)» [Витгенштейн, 2003. С. 289–290].

Таким образом, в основании семантических идей философии позднего Витгенштейна и основанного на них скептического парадокса Витгенштейна–Крипке лежит представление о языке как об универсальном посреднике. Основным следствием этого представления является невыразимость семантики по причине невыразимости понятия истинности предложения. Идеология семантического исследования, вдохновленного поздними работами Витгенштейна, будет представлять не что иное, как после-

довательное развертывание основополагающего тезиса о природе языка. Так, вслед за понятием истины, согласно универсалистской идеологии, следует отказаться от таких традиционных для теоретико-модельной семантики понятий, как референция и понятие следования. Вслед за этими понятиями требуется признать совершенно бесполезными для семантики все те понятия, которые традиционно характеризуют область семантических исследований: синонимия, значимость, аналитичность, именование, денотация. Из этого вовсе не следует, что в языке не существует тех отношений, природу которых призваны раскрыть все эти понятия. Точно так же, как и понятие истины, – и по тем же самым причинам – все эти понятия невыразимы в том языке, которым мы владеем, единственном доступном нам языке.

Одним из самых ярких отличий между семантиками, основанными на универсалистском подходе к языку и на подходе к языку как исчислению, является отношение к парадоксам. Хорошо известно, какое внимание уделяется парадоксам в семантических исследованиях А. Тарского – роль парадоксов он уподобляет роли решающего эксперимента в эмпирической науке: «Всякий раз, когда это случается, мы должны подвергнуть наши способы мышления основательной ревизии, отвергнуть какие-то посылки, в которые верили, и усовершенствовать способы аргументации, которыми пользовались» [Тарский, 1972. С. 139]. В семантиках, основанных на представлениях о языке как универсальном посреднике, парадоксы приемлемы: они являются вполне нормальной частью принятой языковой игры. Так, Витгенштейн, рассуждая о самореференции в Приложении I «Заметок по философии математики», трактует парадокс Эпименида как вполне заурядное явление: что нам мешает включить в языковую игру предложение, которое само себя описывает как ложное – мы ведь постоянно пользуемся такими предложениями, например, формулируя саму проблему самореференции. Отчасти представление о языке как об универсальном посреднике может объяснить и другие столь же нашумевшие, как скептический парадокс, заявления Витгенштейна – например, его оценку теоремы о неполноте формальных систем типа *Principia Mathematica* К. Геделя.

Мы можем подвести итог всему сказанному, указав наиболее важные черты семантического проекта Витгенштейна–Крипке. Всякий раз, когда мы имеем дело с семантическими теориями, в основании которых лежит представление об универсальности языка, нам не стоит ожидать семантики в традиционном смысле этого слова: Я. Хинтика метко характеризует их как семантику без семантик. Невозможность метаязыка, лишаящая какого-либо значения в семантическом исследовании понятия истинности предложения, денотации, референции, следования и пр., приводит к тому, что универсалистские семантики могут заниматься чем угодно, только не экспликацией отношений языка и мира. Действительно, сводя значение языкового выражения к правилам его употребления, Витгенштейн, занимая универсалистскую позицию, лишает нас всякой возможности эксплицировать семантические отношения. Язык существует, он сводится к правилам, поскольку мы замечаем некоторые регулярности в употреблении языковых выражений. Объяснить природу этой регулярности нет никакой возможности – мы не можем даже обосновать тот факт, что мы описываем действительно существующую регулярность. Семантик без семантики всегда остается внутри рассматриваемого языка, неспособный описать отношения языка и мира в силу самого представления о границах семантического исследования. Иными словами, универсалист предлагает нам семантику, которая не эксплицирует отношения между языком и миром, оставляя полностью непроясненным понятие значения, причем эта семантика будет вполне терпима к парадоксам, т. е. она в принципе не содержит какого-либо критерия своей адекватности.

При этом интересен статус самого скептического парадокса Витгенштейна–Крипке, ведь именно благодаря ему можно говорить о сколько-нибудь оформленном семантическом проекте Витгенштейна–Крипке. Возможно, роль этого парадокса сводится к тому, что он явно показывает проблему, с которой сталкивается семантика в духе А. Тарского. В теоретико-модельной семантике наша возможность однозначно установить референцию языкового выражения и приписать значение истинности предложению языка берутся в качестве уже удовлетворенного условия. Как

это условие выполняется, как носитель языка усваивает значение языкового выражения и приписывание значения истинности предложениям языка, остается непроясненным. Безусловно, ответ на этот вопрос не ставится в рамках теоретико-модельной семантики; он попросту не входит в круг ее проблем. Вопрос о том, может ли эта проблема быть решена в рамках семантик в духе А. Тарского, требует самостоятельного исследования. Однако, как нам кажется, решение этой проблемы, если оно вообще необходимо для семантической теории, должно основываться на представлениях о языке как об исчислении, делающих возможным экспликацию понятия истины и всех семантических понятиях, которые могут быть определены на его основе. В противном случае мы рискуем получить семантику, значение которой полностью исчерпывается высказыванием А. Тарского, вынесенным в качестве эпитафии.

Список литературы

- Витгенштейн Л.* Философские исследования // Языки как образ мира. М.: АСТ, 2003. С. 220–546.
- Крипке С. А.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. 151 с.
- Куайн У.* Заметки по теории референции // Куайн У. О. С точки зрения логики: девять логико-философских очерков. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. С. 124–131.
- Пикок К.* Теория значения в аналитической философии // Философия науки: научное издание по философии, методологии и логике естественных наук. № 4 (27). Новосибирск: Ин-т филос. и права СО РАН, 2005. С. 79–102.
- Тарский А.* Понятие истины в языках дедуктивных наук // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. М.: РОССПЭН, 1999. С. 19–156.
- Тарский А.* Истина и доказательство // Вopr. филос. М., 1972. № 8. С. 136–145.
- Ebbs G.* Rule-following and realism. Harvard University Press, 1997. 363 p.
- Hintikka J.* Is truth ineffable? // Hintikka J. *Lingua Universalis vs. Calculus Ratiocinator: An Ultimate Presupposition of Twentieth-Century Philosophy.* Kluwer Academic Publishers, 1997a. P. 20–45.
- Hintikka J.* On the development of the model-theoretic viewpoint in logical theory // Hintikka J. *Lingua Universalis vs. Calculus Ratiocinator: An Ultimate Presupposition of Twentieth-Century Philosophy.* Kluwer Academic Publishers, 1997b. P. 104–139.
- Hintikka J.* Wittgenstein and language as universal medium // Hintikka J. *Lingua Universalis vs. Calculus Ratiocinator: An Ultimate Presupposition of Twentieth-Century Philosophy.* Kluwer Academic Publishers, 1997c. P. 162–190.

Материал поступил в редколлегию 03.03.2006